

ИСКУССТВО ПРОПАГАНДЫ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Э. Алексин

История искусства идейно-психологического воздействия на ум и чувства людей уходит в глубь веков. Дошедшие до нас памятники древности красноречиво свидетельствуют о том, что это искусство является ровесником древнейших цивилизаций.

Первобытное человеческое общество, основанное на родовом объединении людей, сначала не испытывало и не могло испытывать потребности в социально-корыстной идейно-психологической обработке членов общества со стороны какой-либо группы людей, поскольку в этом обществе не было классов и, следовательно, не существовало классовых интересов. Хотя на той стадии развития и имелись определенные социальные противоречия, они носили иной характер. Ф. Энгельс отмечал, что «родовой строй вырос из общества, не знавшего никаких внутренних противоположностей, и был приспособлен только к нему. У него не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения»¹.

С ростом производительных сил, повышением производительности труда и появлением новых производственных отношений родовое общество сменяется другим, связанным уже с территориальными объединениями людей. С появлением частной собственности — основы классовых противоречий — столкновения различных социальных интересов становятся неизбежными, поскольку имущественные различия нарушают социальное единство и приводят к антагонизму. Общество раскалывается на богатых и бедных, на свободных и рабов, на эксплуататорское меньшинство и эксплуатируемое большинство. Появляется государство. В новом обществе «отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба»². Поэтому государство возникает как орудие защиты политических и экономических интересов имущих лиц, как аппарат для угнетения одного класса другим. С выделением господствующего класса и сосредоточением в его руках политической и экономической власти возникает необходимость убеждения эксплуатируемого большинства, во-первых, в том, что интересы господ полностью совпадают с интересами всего общества, и, во-вторых, что существующее положение вещей незыблемо и справедливо. «Поэтому,— писал Ф. Энгельс,— чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена набрасывать покров любви на неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать,— одним словом, вводить в практику общепринятое лицемерие, которое не было известно ни более ранним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое, наконец, достигает высшей своей точки в утверждении: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого экс-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 168.

² Там же, стр. 26.

плуатируемого класса, и если последний этого не понимает и даже начинает восставать против этого, то это самая черная неблагодарность по отношению к благодетелям — эксплуататорам»³. Так возникает искусство оказания идейно-психологического воздействия на людей, неотделимое от искусства управления государством.

Институт государственной власти с его атрибутами возник примерно пять—шесть тысяч лет тому назад. Появилась наследственная знать, в руках которой концентрировалась верховная племенная, военная и религиозная власть. Привилегированные группы лиц — старейшины, военачальники, жрецы — умножали свои богатства за счет народа, все более возвышаясь над ним. Постепенно зародилась монархия, осуществлявшая в интересах сохранения своего господства насилие, как физическое, так и идейно-психологическое.

Последнее приняло различные формы морального воздействия на умы людей. Во славу египетских фараонов, вавилонских царей, римских императоров высекались гигантские обелиски, барельефы и статуи, сооружались великолепные храмы и дворцы, возводились пирамиды и колонны, создавались непревзойденные шедевры искусства, являвшиеся, по сути дела, не чем иным, как формой прижизненной либо посмертной пропаганды личности монархов. Монументальное искусство той эпохи было призвано способствовать укреплению верховной власти. Нередко оно давило на народные массы, убеждало трудовые низы в их беспомощности перед «сверхъестественной», «мистической» силой всемогущего властелина, заставляло беспрекословно подчиняться его воле. По мере объединения мелких государств под эгидой более сильного монарха расцветает и великолепие, окружавшее этого монарха: вводятся атрибуты высшей власти — головные обручи, жезлы, знамена и штандарты, растет свита царедворцев. Эти внешние признаки власти также призваны способствовать повышению авторитета монарха и свидетельствовать о его могуществе, оказывая психологическое влияние на народ как своего, так и соседних государств. Монархи уже не довольствуются простым прибавлением к своему титулу имени бога. Титул становится свидетельством тех или иных, действительных либо мнимых, заслуг. Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) называл себя «царем могучим, царем Вавилона, царем четырех стран света, вседержителем Земли»; Мардукапалидди (VIII в. до н. э.) — «царем мира, царем всего Шумера и Аккада, царем Вавилона., царем, не имеющим себе равных»; повелитель Ирана Дарий (VI—V вв. до н. э.) так определял свои достоинства: «Я, Дарий, царь великий, царь царей, царь всех земель и языков, царь этой земли, великий и могучий, Ахеменид»⁴. Порой при перечислении титулов монарха к его имени добавлялись определения, подчеркивавшие его высокие моральные качества: «щедрый», «добрый», «справедливый» и т. д. Фараон XII династии Древнего Египта Аменемхет I (XX в. до н. э.) приказал написать о себе:

Я был тем, кто возделывал злаки и любил бога плодородия,
Нил приветствовал меня во всех долинах,
Никто не голодал в годы моего правления,
Никто не страдал тогда от жажды,
Люди жили в мире, в котором я правил, говоря обо мне⁵.

Одним из излюбленных египетскими фараонами приемов психологического воздействия на массы был разговор с мертвым предком, ставшим, согласно древнеегипетской религии, богом. В таком разговоре, тщательно подготавливавшемся жрецами, мертвый предок восхвалял

³ Там же, стр. 177.

⁴ L. W. King. First Steps in Assyrian. L. 1898, pp. 3, 18, 116.

⁵ J. H. Breasted. A History of Egypt. L. 1906, p. 117.

правлящего властелина и призывал подвластный ему народ сохранять верность фараону, если хочет избежать несчастий. Аналогичные представления организовывались в тех же целях и в более поздних цивилизациях.

Уже в Древнем Египте дети обучались грамоте по текстам, восхвалявшим верховную власть и личность фараона⁶. Литературные памятники всего мира той поры свидетельствуют, что искусство психологического воздействия широко применялось и в политической борьбе за власть. В древнеиндийских эпических памятниках «Махабхарата» и «Рамаяна», в эпизодах, описывающих борьбу за власть и торжество одних группировок над другими, содержится прямая пропаганда политических воззрений одной из них, стремившейся к объединению страны. В III в. до н. э. при китайском императоре Цинь Ши-хуанди принимались жесточайшие меры для подавления критики в адрес правящей династии со стороны ее противников: книги, содержавшие высказывания враждебного характера по отношению к личности императора и существующей форме правления, безжалостно уничтожались; лица, проповедовавшие враждебные правящей династии взгляды, подвергались смертной казни. Право на существование имели лишь точки зрения и идеи, отвечавшие интересам правящей верхушки. Все, что в какой-либо степени угрожало ей, объявлялось вне закона. «То, что считается правдой владыка, и мы должны считать правдой,— поучал две тысячи триста лет назад китайский философ Мо-цзы,— что считает ложью владыка, и мы должны считать ложью»⁷.

Во II в. до н. э. господствующей официальной идеологией в Китае было признано учение конфуцианца Дун Чжун-шу и представителей той же школы, утверждавших, что императоры всех эпох получают «небесный мандат» на управление народами. В одном из китайских трактатов рубежа н. э. говорилось, что властелин не может быть неправ, поскольку «Небо создает народ и ставит над ним владыку, чтобы тот охранял его и не давал ему свернуть с пути истинного... Любовь Неба к своему народу безмерна. И нельзя даже предположить, что оно поставило над ним человека для того, чтобы совращать его». Согласно теории древнекитайских философов, «нельзя давать народу разум, а нужно держать его в неведении», ибо, по их мнению, разумными людьми труднее управлять⁸. Подобные взгляды на протяжении всей истории составляли идейное кредо всех реакционных и антинародных режимов.

Повышению авторитета и могущества монархов в значительной степени способствовали также успешные войны. Военные подвиги монархов-полководцев прославлялись в мифах и гимнах, увековечивались в текстах, покрывавших стены дворцов, храмов и гробниц, описывались в мельчайших подробностях на глиняных табличках и папирусах — этих древнейших предках средств современной печатной пропаганды. Памятники ассиро-вавилонской культуры — ярчайшее свидетельство того, как еще в III тысячелетии до н. э. местные цари-военачальники привлекали лучших мастеров к созданию произведений искусства, восхвалявших верховную военную мудрость и личную смелость правителя. Стены дворцов украшались барельефами, изображавшими эпизоды победоносных походов царей и дарственные приношения побежденных народов победителям. Так, на цилиндре с клинописными текстами от эпохи Асархаддона и Ашшурбанипала (VII в. до н. э.) повествуется о кровавых победах, одержанных над врагами, и перечисляются неимоверные трофеи. С войнами же возникает необходимость в чисто военной пропа-

⁶ R. T u r n e r. The Great Cultural Traditions. Vol. 1. N. Y. 1941, pp. 312—313.

⁷ См. подробнее: В. А. Рубин. Два истока китайской политической мысли. «Вопросы истории», 1967, № 3, стр. 72 сл.

⁸ L i a n g C h i - c h a o. History of Chinese Political Thought during the Early Tsin Period. L. 1930, pp. 151, 196.

ганде, основной задачей которой было сплотить силы вокруг монарха и поддержать моральный дух воинов в борьбе с врагами, а также внести смятение и панику в ряды противника, подорвав его дух и волю к борьбе. Военная пропаганда использовалась и в целях разжигания ненависти к противнику. В таких случаях вражескому государству, армии, ее военачальникам приписывались (или в их действиях намеренно выделялись) отрицательные качества, вызывавшие у воинов жажду мщения. Так, в клинописных надписях XXV в. до н. э. от имени правителя города Урук детально рассказывается, как его враги из племени гутеев умыкали жен у мужей, отнимали детей у матерей и оставляли после себя разоренные земли и опустошенные жилища.

Интересным памятником древности, свидетельствующим о внимании к вопросам ведения психологической войны в древнейших цивилизациях, является древнеиндийская «Артхашастра» («Учение о пользе»), написанная в IV в. до н. э. и впоследствии переработанная и дополненная. В этом трактате, в частности, предлагается засылать в стан врагов секретных агентов, чтобы они сеяли смуту и распространяли среди воинов противника слухи об их неизбежном поражении. Что касается своей армии, то в «Артхашастре» предлагается всячески вдохновлять воинов, внушая им уверенность в их непобедимости. «Когда завоеватель,— говорится там,— стремится захватить вражескую деревню, он должен вдохновить своих собственных людей и напугать врагов, превознося силу своего всеведения и свою близость к богам»⁹. Искусством морального воздействия на противника, то есть искусством ведения психологической войны, интересовались и в Древнем Китае. Литературные источники того времени упоминают, что с целью подавления духа противника воины шли в сражение, как правило, под музыку и с развевающимися знаменами. В работе известного военного теоретика Сунь Цзы «Книга о войне» подчеркивалась важность подрыва в стане врага воли к сопротивлению с помощью распространения всевозможных слухов, в частности о превосходящих силах выступающих против него армий и о наличии измены в его собственных рядах. Сунь Цзы принадлежит известный афоризм: «Если вы знаете врага и знаете себя, то вам не следует опасаться за исход сотни сражений. Если вы знаете себя, но не знаете врага, то на каждую вашу победу будет приходиться по поражению. Но если вы не знаете ни себя, ни врага, то вы глупец и будете терпеть поражение в каждом сражении»¹⁰.

Наряду с пропагандой, которая преследовала чисто военные цели, в древнейших государствах уделялось значительное внимание и военно-политической пропаганде. В I тысячелетии до н. э. на территории Китая существовал ряд небольших самостоятельных царств, часто враждовавших между собой. В конце III в. до н. э. длительные войны между ними завершились созданием централизованной китайской империи Цинь. Именно в период этих войн получила особое развитие военно-политическая пропаганда, осуществлявшаяся врагами Цинь с помощью странствующих философов, которые засылались с целью разъяснения народу гибельных для него последствий возможного порабощения его правителями Цинь. Затем, с созданием этой империи, на смену местному сепаратизму пришел великодержавный шовинизм, позднее, в период Хань, принявший общеханьский (общекитайский) характер и основанный на теории, согласно которой ненависть к иностранцам является средством возбуждения патриотических чувств. Влияние тогдашних древнекитайских философов на политическую жизнь страны было на-

⁹ См. «Артхашастра, или Наука политики». М.-Л. 1959; B. S. Murty. Propaganda and World Public Order. S. 1. 1968, p. 1.

¹⁰ W. E. Daugherty, M. Janowitz. A Psychological Warfare Casebook. Baltimore. 1958, p. 425.

столько велико, что их взгляды нередко составляли теоретическую основу государственной политики правящих кругов.

Существенное влияние на развитие искусства психологического воздействия на массы оказали методы, выработанные в странах античного мира. Кое в чем наблюдалось заимствование традиций Древнего Востока, особенно в результате войн, торговли, путешествий или создания крупных государственных образований типа монархии Александра Македонского. Аристократия Древней Греции и Рима, а за нею и древнеримские императоры в исторически довольно короткий срок освоили некоторые восточные «тонкости» управления государством, однако применяли психологическое оружие в политических и военных целях, пожалуй, с большей целеустремленностью и мастерством, нежели это делалось в древних цивилизациях Востока. Так, классическая Греция стала родиной новых форм патриотической поэзии, пропагандировавших идею государственного и народного единства. Уже в VII—VI вв. в произведениях поэтов, в частности в балладах лесбийца Алкея, широко представлена тема борьбы с тиранами и войны против внешних врагов. Авторами поистине всеэллинского звучания были Тиртей, вдохновлявший сограждан элегическими поэмами, воспевавшими гражданские добродетели спартанцев и их боевые подвиги, и Симонид, автор хоровых лирических произведений о героях войны и спортивных состязаний. Глубоко патриотическими можно считать эпические поэмы «Илиаду» и «Одиссею», воспитавшие не одно поколение греков в духе беззаветной любви к родине. В то же время в обстановке сложной междоусобной борьбы различных территорий и городов-государств в VI в. до н. э. эти поэмы сыграли роль произведений, способствовавших достижению всеэллинского единства, и стали действенным методом пропаганды идеи сплочения разобщенных земель в единое греческое государство.

Трагедии великих драматургов Эсхила (525—456 гг.) и Еврипида (480—406 гг.) тоже были по-своему ярко выраженными пропагандистскими творениями, исполненными патриотического пафоса, воспевающими героизм и противопоставляющими его индивидуализму и эгоизму. Политическая сатира составляла основу комедий Аристофана (445—385 гг.), бичевавшего и высмеивавшего пороки афинского общества («Осы», «Всадники», «Птицы»). Образы, созданные Аристофаном, сродни такому острому пропагандистскому оружию наших дней, как политическая карикатура. Скажем, его пьеса «Лисистрата» до сих пор занимает почетное место в ряду произведений антивоенного цикла. Выдающийся историк Геродот явился автором первого в истории человечества капитального пропагандистского труда — патриотической истории. Это дало основание Б. Расселу назвать Геродота (с некоторым преувеличением) «платным пропагандистом Афинского государства». Наконец, «Риторику» Аристотеля (384—322 гг.) можно считать первым дошедшим до наших дней учебником устной пропаганды, классическим исследованием ораторского мастерства как метода оказания психологического воздействия на массы. В этом трактате рассматривается самая теория ораторских доказательств, выясняются цели ораторского искусства, анализируются речевой стиль и образные средства языка.

Красноречие, вообще широко практиковавшееся в древности, было доведено греками до совершенства и составляло основу устной пропаганды, применявшейся идеологами рабовладельческой власти, как аристократами, так и демократами, в интересах укрепления существующего строя. Выделение ораторского мастерства в качестве одной из основных форм пропаганды идей объясняется тем, что впервые в истории человечества свободные граждане Афин начали принимать самое активное участие в политической жизни своего города-государства и получили реальную возможность оказывать существенное влияние на политику. Разногласия между правящими группировками обострили необходимость

пропаганды и контрпропаганды с целью завоевания общественного мнения. В условиях отсутствия других средств массового общения важнейшей формой психологического воздействия на общественность могло стать только живое слово. Игры, театральные представления, собрания, суды и религиозные празднества были превращены в арену политической борьбы между враждующими группировками, нанимавшими наиболее блестящих ораторов для выступлений перед народом с пропагандой выгодных этим группировкам идей и политических решений. Устная пропаганда, формировавшая общественное мнение, дополнялась, хотя и в менее значительной степени, распространением рукописных книг, авторами которых были те же ораторы или философы.

Знаменитый мыслитель Платон (427—348 гг.) лучше многих других философов древнего мира представлял себе природу и роль устной пропаганды. Его взгляды на отдельные аспекты психологического воздействия живого слова сохраняют свое практическое значение даже в наши дни. В известных «сократических» диалогах Платона, особенно в «Горгии», содержатся мысли об искусстве красноречия и умении оратора оказать психологическое влияние на аудиторию. Он сравнивает пути лечения болезней с методами, применяемыми риториками, и разъясняет, что таким же образом, как в медицине предписанные лекарства и диета возвращают здоровье и силу человеческому телу, соответствующие речи и правильное воспитание восстанавливают веру и добродетель в человеческой душе. Платон особо подчеркивал важность воспитания юного поколения, которое он сравнивал с молодыми побегами растения, нуждающимися в главном внимании со стороны земледельца. Живое слово, подчеркивал Платон, обладает большей эффективностью и силой, чем написанное. Он заявлял устами действующего лица диалогов, его учителя Сократа: «Написанные слова... обладают странными качествами и очень похожи на картину. Существа, изображенные на картине, выглядят живыми, но, если задать им вопрос, они хранят торжественное молчание. То же происходит и с написанными словами: вам могло показаться, что они заявляли о чем-то, как если бы они обладали разумом. Но, если вы зададите им вопрос, желая узнать, о чем они говорят, они будут повторять лишь одно и то же»¹¹. Под мастерством красноречия Платон понимал способность оратора убедить слушателя в разумности той или иной идеи, в целесообразности какого-то шага. Поэтому ритор должен знать мысли и чаяния тех, кого он пытается в чем-то убедить. Платон прямо подчеркивал, что конкретные слова могут убедить в разумности определенного шага только одну категорию людей, в то время как в отношении другой категории лиц эти слова могут оказаться абсолютно бездейственными.

Исходя из таких рекомендаций, правители древнегреческих государств давали целенаправленные задания нанимаемым ими ораторам. Плутарх (46—120 гг.) упоминает, что такой мастер риторики, как Демосфен (384—322 гг.), получал деньги за выступления в поддержку той или иной политической группировки. Особую известность снискал Демосфен своими «Филиппиками» — страстными речами, вдохновлявшими афинян к сопротивлению агрессору, царю Филиппу Македонскому. Называя Филиппа непримиримым врагом демократии, Демосфен призывал греков оказывать всяческое содействие тем, кто ему сопротивлялся. «Лучше умереть тысячью смертей, чем покориться Филиппу!» — этот лозунг, выдвинутый Демосфеном, содействовал сплочению греков перед лицом внешней угрозы. Свидетельством того, сколь серьезную опасность представляла для македонян пропагандистская деятельность Демосфена, является предъявленное Александром Македонским требование Афинам о выдаче восьми наиболее популярных общественных деятелей,

¹¹ «Plato». L. 1919, p. 565.

в числе которых был назван и Демосфен. Попали в этот перечень и другие ораторы: финансист Ликург, адвокат Гиперид, Тимарх. В свою очередь, промакедонскую партию тоже возглавляли крупные ораторы — Исократ, Эсхин, Демад, Филократ.

У Геродота (V в. до н. э.) в его «Истории» упоминается об интересном факте, относящемся к периоду греко-персидских войн. Речь идет о пропагандистском маневре, к которому прибег архонт Фемистокл в попытке заручиться поддержкой ионийцев для войны с персами. Он отправился на корабле к местам, где ионийцы снабжались пресной водой, и приказал высечь на камнях, расположенных вблизи от источников, следующие слова: «Люди Ионии, вы не должны воевать со своими отцами и помогать закабалению греков. Лучшее из того, что вы можете сделать,— это присоединиться к нам. Если это невозможно, вы могли бы, по крайней мере, оставаться нейтральными и просить карийцев сделать то же самое. Если вы не можете сделать ни того, ни другого, а вынуждены служить персам под столь сильным давлением, что оно исключает дезертирство, вам, тем не менее, открыт еще один путь: в очередном сражении вспомните, что мы и вы принадлежим к одной крови, что наша ссора с Персией началась из-за вас и откажитесь воевать»¹². Не правда ли, это похоже на нынешние листовки, распространяемые воюющими сторонами в ходе военного конфликта? Применяли греки и такой вид психологического оружия, как звуковые эффекты, стремясь напугать, деморализовать и дезориентировать противника, например, в войне с царем Лидии Крёзом.

К числу блестящих ораторов Древней Греции относился и афинский правитель 444—429 гг. Перикл, умевший своими страстными речами вдохновлять людей и придавать им силы в борьбе с трудностями. Историк Фукидид (460—395 гг.), в частности, приписывает Периклу яркое выступление в храме перед огромной толпой афинян, павших духом и истощенных эпидемией и Пелопоннесской войной: «Знайте, что наш город носит величайшее имя во всем мире, поскольку его жители никогда не поддавались несчастьям, принесли в жертву больше жизней и пережили больше страданий, чем какой-либо другой народ. Даже если мы будем вынуждены в конечном итоге отказаться от части нашего величия, всегда будет жить память о том, что из всех эллинов именно мы правили наибольшим количеством подданных, противостояли нашим врагам, и одиночным и объединенным, в самых грозных войнах и вообще были жителями города, благословленного всеми видами богатства и величия. Ленивые могут критиковать нас, но предприимчивые станут нам подражать, а неудачники — завидовать»¹³. Будучи хорошим оратором, Перикл, впрочем, отдавал себе отчет в слабости речевого метода психологического воздействия в тех случаях, когда излишне частые выступления одного и того же лица приедались толпе и вызывали реакцию, обратную желаемой. Поэтому сам он выступал перед народом в исключительно редких случаях и тщательно готовился к каждому выступлению. Когда же в его личном публичном выступлении не было необходимости, он поручал держать речь, особенно по менее важным вопросам, своим единомышленникам. В результате каждое его выступление являлось уже само по себе крупным событием, привлекало огромное внимание и вызывало энтузиазм у толпы. Современник Перикла комик Эвполид, настроенный по отношению к нему враждебно, тем не менее вынужден был отдать ему должное:

Вот говорить-то мастер был он, как никто.
Бывало, выйдет речь сказать к народу,

¹² Herodotus. The Histories. Edinburgh. 1965, p. 505.

¹³ R. W. Livingstone. The Greek Genius and Its Meaning to Us. Oxford, 1912, pp. 31—32.

Так, точно в беге состязатель славный,
Враз, десять дав шагов вперед, любого
Оратора побьет...

Как и восточные монархи, правители Древней Греции уделяли большое внимание вопросам пропаганды личности. Они именовали себя смелыми, могущественными, объявляли прямыми потомками богов, пытаясь утвердить за собой право на неограниченную власть в государстве. В труде «Параллельные биографии», в главе о Фемистокле, Плутарх рассказывает, что Фемистокл, будучи исключительно честолюбивым по натуре человеком, всячески стремился к тому, чтобы своими выступлениями и действиями произвести наилучшее впечатление на афинских граждан. После избрания его командующим флотом он уклонялся от выполнения своих обязанностей в обычные дни, откладывая их на и без того полный событиями день отплытия кораблей. А в последний день занимался решением огромного количества дел одновременно и встречался со множеством людей, способствуя тем самым распространению народной молвы о себе как о великом и всесильном государственном деятеле. Фемистокл практиковал использование разнообразных приемов воздействия на массы в тех случаях, когда общественное мнение складывалось не в его пользу и когда ему не удавалось склонить афинян на свою сторону. В таких случаях он организовывал великолепные театральные представления и привлекал такие средства психологического давления на массы, как предсказания оракулов и божественные знамения, выступая в роли сценариста и постановщика этих пропагандистских зрелищ.

Захвативший в 560 г. до н. э. правление в Афинах Писистрат, стремясь укрепить свою власть, первоначально выдавал себя за вождя аттического крестьянства, чем обеспечил себе значительную поддержку со стороны немущих. Известен случай, когда по указанию Писистрата специально подыскали женщину, неизвестную в Афинах, которую загримировали под богиню Афию Палладу. Стоя бок о бок с ней, Писистрат проехал на колеснице, демонстрируя особое расположение к нему богов. Александр Македонский всенародно объявил себя сыном Зевса (дождавшись, правда, кончины своего отца Филиппа). Плутарх так описывает беседу с оракулом, во время которой были получены «неопровержимые данные» о божественном происхождении молодого македонского царя. Александр поинтересовался, понесли ли должное наказание убийцы Филиппа. Оракул якобы отвечал, что истинный отец Александра бессмертен, после чего заверил Александра, что тот вскоре станет владыкой мира. Довольный царь щедро вознаграждал организаторов инсценировки — служителей храма и поспешил оповестить сограждан, в первую очередь собственную мать, о своем прямом происхождении от Зевса. Забавно, что при беседе с Александром оракул обратился к нему со словами: «О, пайдιον» («О, сын мой»), прозвучавшими как «О, пайднос» («О, сын бога»). Как будто бы именно нечеткое произношение и использовал Александр, не постеснявшийся предать память об отце перед лицом всей Греции. В вопросах, касавшихся царственного величия, Александр, как и многие другие честолюбивые правители, особой щепетильностью и сентиментальными чувствами не отличался. Это не помешало части демоса — свободных эллинов, стоявших ранее за демократические формы правления, перейти на сторону монарха. Один из античных поэтов восклицал:

Странна власть твоя, о демос: в совокупности тиран,
Страх и трепет ты внушаешь; но ввести тебя в обман
Так легко! До лесты падкий, сам же лезешь ты в капкан
И на речи чьи угодно разеваешь жадный рот,
А рассудок своенравный все в изгнании живет.

Самый термин «пропаганда» означает в буквальном переводе «распространение». Он унаследован от Древнего Рима, где искусство психологического воздействия на общественное мнение получило дальнейшее развитие. Следует отметить, однако, что римляне вкладывали в это слово несколько иной смысл по сравнению с тем, что подразумевается под ним в наши дни. У них это понятие носило более общий характер и охватывало деятельность по распространению любой информации — от слухов до религиозных доктрин и научных знаний. В условиях античной рабовладельческой формации пропагандистская деятельность была в социально-политическом отношении подчинена интересам патрицианско-рабовладельческой верхушки общества и являлась действенным инструментом укрепления ее власти в самом Риме и закрепления господства Рима на завоеванных им обширных территориях. С образованием Римской империи пропаганда, проводившаяся ранее от имени, в интересах и при непосредственном участии республиканских политических деятелей, уступает место более официальной пропаганде, осуществлявшейся через многочисленные каналы воздействия на общественное мнение. Особенности этого этапа развития искусства психологического воздействия на массы состоят в том, что в Древнем Риме пропаганда вообще, устная в частности, была низведена с того пьедестала, на который ее возвели в Древней Греции, и превращена более явственно и недвусмысленно в повседневное оружие правящего класса.

Триумфальные шествия, массовые празднества и процессии в честь победоносных римских полководцев, возвращавшихся после одержанных побед с трофеями, четко играли определенную пропагандистскую роль, являясь эффективным средством убеждения как римских граждан, так и чужеземцев в величии и могуществе Рима и всеилии его правителей. Ореолу величия и мощи в значительной степени способствовало также великолепие, окружавшее полководцев и императоров Рима. Блестящие военные формы, знамена и штандарты, яркие одеяния знатных лиц, появившихся в окружении многочисленных соратников и слуг, тоже служили символом власти правящего класса. Ту же цель преследовали часто устраиваемые нобилитетом роскошные пиршества и представления. Одновременно они привлекали новых сторонников. Так, Плутарх отмечает, что росту политического влияния и популярности Цезаря (100—44 гг.) во многом способствовало то, что он был исключительно щедрым и гостеприимным человеком, не жалеющим денег для организации пиршеств.

Массовые народные зрелища были призваны выполнять двоякую роль. В условиях общества, не располагавшего развитыми средствами связи, такого рода сборища служили важным каналом общения правящего класса с народом, олицетворяя чисто внешне «единство» интересов различных социальных слоев свободных людей. С другой стороны, активно содействуя организации таких представлений, аристократия отвлекала народ, его время, энергию и внимание от политической борьбы и выражения недовольства, от выдвижения серьезных экономических требований. Известный лозунг во время народных волнений в Риме — «Хлеба и зрелищ!» был в действительности политическим кредо не низов, а господствующего класса, словесным выражением минимальной подачи, обещанной аристократией народу во избежание таких действий с его стороны, которые могли бы грозить серьезным «потрясением основ».

Особая роль в процессе оказания психологического воздействия на народ отводилась боям гладиаторов, которые несли, если можно так выразиться, дополнительную пропагандистскую «нагрузку». По утверждению писателя Плиния Младшего (62—114 гг.), эти представления, помимо всего прочего, учили людей презирать смерть. Цицерон (106—43 гг.) также считал, что бои гладиаторов воспитывают «мужественное

пренебрежение к страданиям», способствуя тем самым формированию бесстрашных и стойких солдат.

В римском обществе в более определенной форме, нежели раньше, выделяются три четко различимых и тем не менее, как правило, тесно связанных направления пропаганды — политическое, военное и религиозное. Коснемся сначала первого. История ранней Римской республики характеризовалась ожесточенной борьбой между патрициями и плебеями, в результате которой в первой половине V в. до н. э. плебс получил право избирать народных трибунов для защиты своих интересов. В этих условиях начинает развиваться предвыборная политическая пропаганда, которая в период поздней Республики превращается уже в реальное и эффективное оружие господствующего класса. Стены раскопанных археологами древних Помпей сохранили любопытные фрески, свидетельствующие о существовании ожесточенной политической борьбы между сторонниками различных группировок. Эти настенные росписи являются не чем иным, как своеобразной предвыборной пропагандой в пользу того или иного кандидата, восхваляющей его личные качества и программу действий и критикующей его противников.

Гай Саллюстий Крисп (86—35 гг.), древнеримский автор и близкий соратник Цезаря, считается первым в истории человечества лицом, которому принадлежит специально пропагандистское изложение хода исторических фактов — заговора Катилины. Некоторые исследователи считают, что его труд был написан с целью оправдания самого Цезаря, подозревавшегося в участии в заговоре, направленном против бывшего в то время консулом Цицерона. Саллюстий изображает Катилину одними черными красками: последний наделен столь отрицательными личными качествами, что не может вызвать у читателя каких-либо симпатий. Катилина у Саллюстия вспыльчив, чрезмерно честолюбив, и неравнодушив в средствах для достижения цели; ему приписывается общение с преступниками и всякого рода отщепенцами, а также «многочисленные постыдные интриги... и другие равным образом противозаконные и бесчестные дела»¹⁴.

В условиях обострения классовой борьбы в Республике особо важную роль начинают играть красноречие и ораторское мастерство. Из ораторов того периода, пользовавшихся огромным авторитетом и популярностью у римских граждан, можно назвать народных трибунов братьев Тиберия и Гая Гракхов (II в. до н. э.). Гай Гракх вкладывал в свои лишённые какой-либо напыщенности речи всю свою искренность и пылкость, чем сразу завоевывал сердца сограждан. Из более поздних ораторов особенно выделяется Марк Туллий Цицерон, отличавшийся блестящими способностями и личным обаянием. И все же он, по свидетельству современников, нередко вызывал у народа своими речами реакцию, противоположную той, к которой стремился. Основной причиной этого можно считать самовосхваление и самовозвеличение, отрицательно сказывавшиеся на общем впечатлении от его талантливых выступлений. Кроме того, Цицерон злоупотреблял насмешками над политическими противниками, что в конечном итоге способствовало созданию представления о Цицероне как о злом и ехидном, следовательно, не вполне объективном человеке.

Цицерону принадлежит много интересных высказываний об ораторском мастерстве, например, о том, к каким методам следует прибегать для оказания воздействия на аудиторию и какие факторы необходимо при этом учитывать. В своем сочинении «Об обязанностях» Цицерон подчеркивает, что голос оратора должен обладать двумя качествами — ясностью и музыкальностью, и рекомендует способы выработки

¹⁴ Sallust. The War with Catiline. L. 1921, p. 27 (см. также Саллюстий. Заговор Катилины: Югуртинская война. М. 1916).

четкого произношения. «Может случиться,— пишет он,— что возникнет необходимость в вынесении порицания. В таких случаях, возможно, мы должны прибегнуть к более выразительному тону голоса и более убедительным и суровым словам и даже напускать на себя сердитый вид... Мы можем казаться рассерженными, но должны быть далеки от гнева, так как в гневе нельзя совершить ничего справедливого или благоразумного»¹⁵. Обращая внимание на необходимость того, чтобы лицо, пытающееся донести какую-то мысль до аудитории, пользовалось у нее доверием и популярностью, Цицерон указывает: «Наивысшая, самая истинная слава зависит от трех следующих факторов: любви, доверия и смеси восхищения и уважения со стороны народа. Эти чувства... пробуждаются в массах таким же образом, как и в отдельных лицах»¹⁶.

При изучении методов психологического воздействия на массы, к которым прибегали ораторы и политические деятели античности, нельзя обойти вниманием один интересный эпизод. Философ Диоген в беседе со своим учеником Антипатром затронул вопрос о том, следует ли, общаясь с народом, рассказывать ему всю правду. Проводя аналогию между народом и покупателем, Антипатр настаивал на том, что народу должны быть известны все факты так же, как покупателю при покупке товара у продавца. Диоген же утверждал, что «продавец должен объявить о всех недостатках своего товара в той степени, в какой это требуется государственным законом. Что касается остального, то, имея в виду, что он должен продать имеющийся у него товар, продавец может попытаться продать его с большей для себя выгодой при условии, что не прибегнет к прямому обману». Со временем этот прием древних софистов, описанный у Цицерона¹⁷, будет принят на вооружение специалистами по ведению психологической войны и займет почетное место в их арсенале под названием «метод полуправды».

Исключительно талантливым оратором, к тому же пользовавшимся огромной популярностью у народа, был Гай Юлий Цезарь. Его речи, всегда отличавшиеся нарочитой мягкостью и дружелюбием, резко контрастировали с выступлениями Цицерона. Эти-то качества и снискали Цезарю у римских граждан именно те чувства, без которых, по утверждению самого Цицерона, не может быть истинной славы.

Тому же историческому периоду принадлежат и многие другие методы оказания воздействия на массы, принятые с тех пор на вооружение всеми пропагандистами. Одним из подобных методов является «повторение», способствующее закреплению мысли пропагандиста в сознании или даже в подсознании аудитории. Этим методом эффективно пользовался консул Марк Порций Катон Старший (234—149 гг.), завершавший все свои выступления в сенате, независимо от их содержания, одним и тем же призывом: «Впрочем, полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Мы, конечно, далеки от мысли утверждать, что именно этот лозунг Катона привел к началу Третьей Пунической войны и действительному падению Карфагена. Однако полностью отрицать психологическое воздействие данного призыва на римских граждан также было бы неверно.

Многие политические деятели Рима часто прибегали к демагогическим, порою довольно смелым выступлениям, целью которых была попытка смягчить остроту момента, отвести от себя или своих единомышленников угрозу и успокоить народ. В качестве примера можно привести речь консула Гая Котты перед римскими гражданами в 75 г. до н. э. Нарядившись в траурные одежды, Котта произнес следующую речь в надежде умиротворить участников волнений: «Вся жизнь моя с юных лет

¹⁵ Cicero. De officiis. L. 1913, p. 139.

¹⁶ Ibid., pp. 199—201.

¹⁷ Ibid., p. 321.

моих прошла перед вашими глазами... Те, кто нуждался в моем голосе, моем совете, моем кошельке, получали их... В мои годы смерть уже близка, и я готов встретить ее, если это облегчит ваши страдания...» Древний Рим оставил в наследство большое количество трудов по ораторскому искусству. В их числе такие, как систематизированные высказывания Катона и сочинение Марка Фабия Квинтилиана (35—95 гг.) «Руководство по риторике», в котором давался полный курс обучения этому мастерству. В период Римской империи ораторское мастерство, однако, начинает уже вырождаться и превращается в чисто внешнее красноречие или ничем не прикрытую демагогию.

Древнему Риму принадлежит также законодательство, ограждавшее власть от критики. В законах «Двенадцати таблиц» (451—449 гг.) устанавливается смертная казнь за сочинение или исполнение произведений, содержащих нападки на правителей. Законы, преследующие инакомыслящих, стали еще более суровыми и жестокими с образованием Римской империи. В Римском государстве родилась и так называемая «вторая древнейшая профессия» человечества — журналистика, без которой в наши дни немыслима политическая пропаганда. На смену «Анналам» — обзорам основных событий за истекший год, которые составлялись с давних пор римскими жрецами, приходят небольшие пергаментные листки, получившие название «Хроника дня» и ставшие в годы первого консульства Цезаря официальным источником информации и эффективным каналом государственной пропаганды. По свидетельству историка Гая Светония Транквилла (70—160 гг.), эти обзоры основных событий вывешивались на людных перекрестках, на зданиях и распространялись в армии. В них помещались также речи государственных деятелей, информация о работе сената, тексты декретов, сообщения о приемах знатных лиц, о городских пожарах и светская хроника. В период Римской империи эти первые «газеты» стали помещать восхваления и самую откровенную лесть в адрес императоров. Кроме того, культура императорской власти в значительной степени способствовала литературе того времени, представленная в период своего расцвета такими именами, как поэты Публий Вергилий Марон (70—19 гг.), Квинт Гораций Флакк (65—8 гг.), Альбий Тибулл (54—19 гг.), Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) и историк Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.). Авторы, воспевавшие императоров в своих произведениях, пользовались особой благосклонностью властей.

Следует отметить, однако, что пропаганда императорской власти в значительной степени ассоциировалась с пропагандой величия и могущества государства и всего «римского мира». Верность императору провозглашалась неотделимой от верности и преданности отечеству, от чувства патриотизма. Пропагандистское возвеличение императоров, несомненно, способствовало укреплению власти всего правящего класса и защите его интересов. Этим же целям служили пышные внешние атрибуты императорской власти. Октавиан, ставший в 27 г. до н. э. первым римским императором и получивший специальным декретом сената почетный титул Августа, именовался также принцепсом, народным трибуном, консулом, цензором, верховным жрецом и «отцом отечества». Отличительным внешним признаком его положения была пурпурная тога, в которой он появлялся на массовых празднествах. Императоры вообще весьма часто прибегали к использованию всех известных тому времени методов психологического воздействия на массы в своих политических интересах.

Что касается патриотизма в его «чистой» форме, то римляне с раннего детства воспитывались в духе беззаветной любви к родине, ради счастья и величия которой они должны быть готовы к любым жертвам и даже смерти. «Дороги родители, дороги дети, родственники, друзья. Но родная земля олицетворяет все, что мы любим. И кто же дейст-

вительно поколеблется отдать свою жизнь за нее, если собственной смертью он сможет оказать ей услугу? Тем более омерзительны те выродки, которые раздробили свою отчизну на части, совершив всевозможные преступления, замышляли и замышляют полностью разорить ее. И если нужны еще сопоставления или сравнения для того, чтобы понять, кому мы обязаны больше всего, то первыми должны быть названы наша страна и родители, так как наш долг перед ними налагает на нас особую ответственность. Затем идут дети и вся семья, возлагающие на нас одни свои надежды на поддержку и не могущие рассчитывать на защиту со стороны других. Наконец, наши родственники, чья судьба в значительной степени является нашей судьбой»¹⁸, — писал Цицерон. Ту же идею готовности римлянина умереть за отечество Цицерон проводит и в других своих трудах. «Достоин похвалы тот, кто умирает за страну, так как нам пристало любить нашу страну больше, чем самих себя»¹⁹, — утверждал он, выражая в первую очередь, конечно, интересы своего класса, стремившегося к укреплению Римского государства как оплота власти рабовладельцев и частной собственности.

Вергилий был первым среди великих западных поэтов древности, специально посвятивших свои произведения теме воспитания патриотизма и чувства гордости за отчизну. В эпической поэме «Георгики» он с любовью описывает достоинства, природные богатства и красоты Рима. Его поэма «Энеида», воспевающая монархию и императора Августа, представляет собой песнь героя, который борется за интересы Рима и гибнет за него. «Пусть другие отливают дышащую бронзу, высекают в мраморе живые черты лиц, защищают в судах дела и предсказывают движение звезд, — пылко восклицал он. — Помни, о римлянин, что твоя задача заключается в том, чтобы править народами, устанавливать им мир, щадить покоренных и сражать высокомерных». Пропаганде величия Рима способствовала и римская архитектура с ее роскошными дворцами, базиликами, форумами, портиками, колоннадой, триумфальными арками, символизировавшими славу, могущество и красоту империи.

Человечество издавна дополняло дипломатию и физическую силу психологическим воздействием на общественное мнение других государств (особенно в период военных действий) для внесения замешательства в ряды противника и снижения боеспособности вражеской армии, для нейтрализации возможных врагов и избежания военных конфликтов с ними, для воодушевления дружественных государств и укрепления взаимного сотрудничества, для улучшения морального состояния и повышения боеспособности своих армий. Это искусство ведения психологической войны получило широкое распространение, в частности в Риме. Греческий историк Полибий, схваченный в качестве заложника в 166 г. до н. э. и проживший в Риме семнадцать лет, рассказывает о некоторых приемах воздействия на солдат, применявшихся римским полководцем Корнелием Сципионом Африканским Младшим во время войны с Карфагеном. Полибий, сопровождавший Сципиона в этой военной кампании, описывает, как в ходе подготовки наступления на морской порт Новый Карфаген римский полководец обнаружил, что его силы уступают по численности силам врага, а моральное состояние солдат оставляет желать лучшего. Тщательно изучив приливы и отливы у побережья и уточнив время низшей точки отлива, Сципион сообщил солдатам, что он беседовал с Нептуном и что бог моря обещал римлянам содействие при взятии города. В точно назначенное время Сципион приказал войску войти в воды залива. Энтузиазму солдат не было предела, когда они обнаружили, что вода отступила, а они идут по мели. Перейдя залив,

¹⁸ Cicero. Op. cit., pp. 59—61.

¹⁹ Cicero. De finibus bonorum et malorum. L. 1914, p. 285.

римляне неожиданно атаковали город и одержали полную победу над врагом. Карфагенский полководец Ганнибал, наступая в 218 г. до н. э. на Рим, объявил, что он идет не как покоритель, а как друг народа.

Воюя с гельветами, Цезарь, в целях нейтрализации соседних племен, в 58 г. до н. э. рассылал гонцов с письмами на имя правителей и военачальников этих племен, предостерегая их от оказания какой-либо помощи его врагам. В противном случае, предупреждал он, они также будут рассматриваться в качестве врагов. В сочинении «О Галльской войне» Цезарь упоминает факты использования обеими враждующими сторонами такого оружия, как слухи, и отмечает, что они нередко способствовали одержанию победы. Так, он пишет, что направлял в стан галлов своих посланников, распространявших среди вражеских солдат слух, что в случае их перехода до определенного срока на сторону Цезаря им гарантируется жизнь. По свидетельству Цезаря, галльский полководец Думнориг тоже пытался с помощью слухов поднять боеспособность своих солдат. Он усиленно распространял молву о намерении Цезаря вывезти галлов в Британию и там умертвить всех наиболее опасных противников.

Мы рассмотрели вкратце общий ход становления и развития государственной, политической и военной пропаганды, осуществлявшейся правящими классами в эпоху до нашей эры. В последующее время, с зарождением христианства и ростом влияния церкви, особую роль в оказании психологического влияния на массы начинает играть христианская религиозная пропаганда. Если прежде культ являлся составной частью общегосударственной пропаганды и как бы дополнял собой светскую и военную, то с образованием христианской церкви религиозная пропаганда довольно скоро выделяется в самостоятельный институт психологического воздействия. Церковь обретает право и практическую возможность решать, будет ли она поддерживать светскую власть или же высказывания священников пойдут вопреки интересам светской власти, а может быть, даже станут подрывать ее устои во имя торжества церковной супрематии. Но это уже особая тема.
